

«УТВЕРЖДАЮ»

и. о. Директора

Института восточных рукописей РАН,
зам. директора ИВР РАН по науке

к. и. н. Т. А. Пан

«12» января 2024 г.

Отзыв ведущей организации

**Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт восточных рукописей Российской академии наук»
на диссертацию Магеры Юлии Александровны «Роль образов
европейской художественной культуры в японской манге»,
представленную на соискание ученой степени кандидата культурологии
по специальности 5.10.1 Теория и история культуры, искусства**

Процесс глобализации в современном мире затрагивает всё больше сфер деятельности человека: формирование мировой экономической системы, начавшееся ещё в XV–XVI вв., постепенно привело к небывалому обмену между странами и народами мира знаниями, технологиями, повседневными культурными практиками, а также к осознанию единства человечества, общности стоящих перед ним вызовов и задач. Как ни в одной другой сфере глобализация проявляет себя и в культуре и искусстве: литература, музыка, изобразительное искусство, театр, кинематограф, архитектура уже давно перешагнули национальные границы, а их выдающиеся образцы превратились в достояние всего человечества. Сегодня мы являемся свидетелями того, как новые виды искусства, возникающие в отдельных странах мира и безусловно обладающие национальной спецификой, с самого начала уже являются продуктом культурной глобализации, несущем на себе влияние многих других видов искусств самых разных эпох и регионов. Одним из наиболее ярких

примеров такого вида искусства являются японские комиксы — манга, которые и стали объектом диссертационного исследования Ю. А. Магеры. Причём предметом своего исследования автор выбрала один из аспектов упомянутого выше явления — а именно рецепцию образов европейской художественной культуры в японской манге.

Ю. А. Магера поставила перед собой цель «выявить способы социокультурного трансфера образов европейской художественной культуры в японской манге во втор. пол. XX – нач. XXI вв.», хотя, исходя из текста работы, цель, на наш взгляд, можно было сформулировать и шире, поскольку автор не только «выявляет способы социокультурного трансфера», но и путём подробного их анализа определяет роль и функции образов европейской художественной культуры (в широком смысле — включая, например, кинематограф) в японской манге, что и составляет научную новизну и бесспорную значимость данной исследовательской работы.

Основными методами исследования диссертантки стали семиотический и иконографический анализ обширного источникового материала — как широко известных, так и малоизученных произведений японской манги наиболее репрезентативных и влиятельных авторов: Тэдзука Осаму, Мидзуки Сигэру, Ода Эйитиро, Нода Сатору и др. В ходе работы автор пришла к выводу о том, что «ситуацию социокультурного трансфера образов европейской художественной культуры в японских комиксах манга можно рассмотреть на примере трех стратегий»: цитирование (прямое или скрытое), стилизация и пародия. Автор проследила использование этих трёх стратегий и выявила особенности их использования в хронологическом порядке, что и определило структуру работы.

Первая глава работы является вводной: в ней автор изучает историю развития выразительных средств японской манги, определяет три ключевые стратегии использования образов европейской художественной традиции, выявляет типологию этих образов и осуществляет их отбор для последующего

анализа. Главы со второй по четвертую составляют основное содержание исследования и посвящены рассмотрению и анализу использования образов европейской художественной культуры с точки зрения трёх выявленных стратегий. В результате автор приходит к выводу о трёх основных функциях их использования: образовательной, эмотивной и формировании социокультурного «Другого».

Диссертационное исследование Ю. А. Магеры отличаются широкая источниковая база, прекрасное владение визуальным языком японской манги, профессиональное ориентирование в европейской художественной традиции, глубина анализа и точный отбор примеров для иллюстрации авторской позиции, убедительная и логичная аргументация, грамотный научный язык. В то же время работа не лишена некоторых недостатков, как формального, так и содержательного характера, на которые хотелось бы указать автору в виду дальнейших исследований по теме диссертации.

Прежде всего, следует сказать о том, что задачи исследования сформулированы довольно узко и как будто определяются содержанием готовой работы, а не поставлены в виду предполагаемого исследования. Так, например, стратегии использования образов европейской художественной культуры декларируются уже в задачах и четко привязываются к соответствующим хронологическим периодам развития японской манги, в то время как эти стратегии были выявлены автором в ходе исследования, а потому не могли быть заявлены в качестве составляющих задач исследования.

Работа не лишена влияния изначальной предпосылки об отличности и уникальности японской манги в сравнении с аналогичными видами западного искусства. Так, на с. 88 автор пишет, что «в отличие от европейской трехчастной системы сюжетообразования, в японской манге используется четырехчастная система ки-сё-тэн-кэцу, внедренная в систему создания как коротких 4-х кадровых стрипов ёнкома, так и длинных манга-повествований». Под четырехчастной системой имеется в виду структура повествования,

состоящая из завязки, повествования, «поворота» (кульминации/развязки) и заключения. При этом автор отдельно замечает, что «именно из-за того, что в начале присутствует два этапа в виде завязки и развития действия, история разворачивается более плавно, подмечая различные детали, уходя вглубь». Однако, поскольку автор не указывает на составляющие «европейской трёхчастной системы сюжетообразования», не вполне понятно, чему именно противопоставляется наличие этапа «повествования». В то же время в современном литературоведении неоднократно уточнялись составные части сюжета, который, по Аристотелю, действительно должен иметь «начало, середину и конец»: так, выделяются, как минимум, экспозиция, завязка, кульминация, развязка, эпилог, не считая других возможных «поворотов» и «перерывов». Поэтому определение европейской системы как «трёхчастной» грешит, на наш взгляд, необоснованным упрощением.

Не соответствующими действительности выглядит также утверждение автора о том, что «станки с наборным шрифтом в Японии были запрещены [...] в попытках пресечь любые иностранные влияния» (с. 76): насколько известно, наборный шрифт не получил широкого распространения в Японии исключительно по причине его неудобства для фиксации японской письменности и был вытеснен ксилографией, но формальных запретов на его использование не существовало. Также не вполне корректным выглядит утверждение о том, что «влияние западной цивилизации» на Японию началось «после прибытия в Японию эскадры кораблей под командованием коммодора Перри в 1853 году» (с. 29). На наш взгляд, такое утверждение игнорирует более двух столетий межкультурного взаимодействия Японии и Европы, начавшегося ещё в XVI веке и повлиявшего в том числе на изобразительную традицию многих художников эпохи Эдо (1603–1867).

На с. 28–29 автор пишет, что в эпоху Эдо слово «манга» могло записываться биномом 漫畫 и в этом случае читалось «манкаку», однако

второй иероглиф в этом бинеме — не иероглиф «каку» (писать), а полная (традиционная) форма иероглифа 画, поэтому и чтение бинема такое же, как и сегодня — «манга».

Наконец, хотелось бы указать на два формальных недочета. Во-первых, не вполне ясно назначение в работе Приложения 2 с переводом текста главы одной из манга: ссылка на Приложение есть в тексте работы, но перевод ничего не иллюстрирует из положений работы. Во-вторых, на наш взгляд, следовало четче структурировать раздел источников в Списке использованных источников и литературы: в нём соседствуют как непосредственные источники работы — анализируемые произведения японской манги, так и «источники цитирования» авторов манги в виде литературных произведений, в то время как произведения изобразительного искусства и кинематографа в нём не значатся.

Однако все высказанные замечания несколько не умаляют всех достоинств проведенного исследования и самого текста диссертации, носят исключительно косметический характер и предложены автору для учёта в дальнейших исследованиях. Представленное к защите диссертационное исследование является существенным вкладом автора в изучение межкультурного взаимодействия Японии и Запада на примере японской манги. В своей диссертации автор бесспорно демонстрирует высокий уровень подготовки, научный потенциал, способность к самостоятельным исследованиям и умение структурированно и содержательно формулировать выводы. Научные положения и выводы диссертации обоснованы, достоверны и обладают бесспорной научной новизной.

Диссертация Ю. А. Магеры соответствует Паспорту научной специальности 5.10.1 Теория и история культуры, искусства. Основные положения диссертации полностью отражены в автореферате и опубликованных работах Ю. А. Магеры. Диссертация отвечает всем

требованиям пп. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года №842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а её автор Магера Юлия Александровна заслуживает присуждения ученой степени кандидата культурологии по специальности 5.10.1 Теория и история культуры, искусства.

Отзыв подготовлен старшим научным сотрудником отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей Российской академии наук кандидатом исторических наук Василием Владимировичем Щепкиным, обсуждён и утверждён на заседании отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН (протокол №1 от 10 января 2024 г.).

10 января 2024 г.

Старший научный сотрудник отдела Дальнего Востока
Института восточных рукописей РАН,

канд. ист. наук

Щепкин Василий Владимирович

Подпись *В.В. Щепкина*
УДОСТОВЕРЯЮ:

Исполнитель Директора

Гаврилова Т.А.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт восточных рукописей Российской академии наук»

191086 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

+7-812-315-87-28

iom@orientalstudies.ru

www.orientalstudies.ru